

специфики элит и их политической деятельности в качестве особого функционального субъекта властного позиционирования и политического управления. Несомненно, как отмечалось выше, формирование политической элиты государства – это достаточно трудный и долгосрочный процесс.

К. А. Рогожина

ПАТРОН-КЛИЕНТАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКИСТАНА)¹

Спустя пятнадцать лет после обретения центральноазиатскими странами государственной независимости сопровождавшая ее первоначальная эйфория сменилась осознанием глубоких трудностей, связанных с реформированием сложившейся системы. Нерешительность политических элит начать коренную ломку системы очень быстро сменилась нежеланием вообще что-либо менять. В результате государства Центральной Азии, едва приступившие к национальному строительству, оказались в политическом и экономическом тупике. Неуклонно увеличивающееся обнищание населения, расстройство системы социального обеспечения в сочетании с продолжающимся демографическим ростом, всепроникающая коррупция и неослабевающий контроль государства над экономикой, подрывающий любую частную инициативу, – таковы основные результаты последнего десятилетия.

При всем разнообразии подходов в литературе о современном политическом процессе на постсоветском пространстве, в частности в странах Центрально-азиатского региона, можно отметить общие позиции, касающиеся сущностных сторон общественной жизни: существует очевидный разрыв между публичной, демократической формой правления и действительным

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ (грант № 06-03-00563а).

способом оправления власти, в основе которого лежат неформальные отношения и персональные связи, ставшие нормой общественно-политической жизни. Неформальные связи строятся по модели патрон-клиентных отношений, в основе которых лежит субэтническая, субрегиональная и кланово-семейная принадлежность. Клиентелизм выступает основным фактором формирования политических элит в государствах Центральной Азии, что заставляет значительную часть потенциальной внеклановой политической элиты чувствовать себя лишенной права артикуляции своих политико-экономических интересов и исключенной из политического процесса. Это может спровоцировать ущемленные группы выступить против действующих политических режимов. В условиях крайне высокого уровня бедности, оппозиционным политическим элитам не составит труда привлечь на свою сторону значительные массы населения и предпринять попытку насильственной смены режима. Именно таким образом разворачивалась ситуация в Кыргызстане, где эта попытка оказалась успешной.

В политической социологии утвердилось понимание патрон-клиентных отношений как отношений преимущественно (1) личностных, частных и неформальных, основанных (2) на неравенстве в обладании ресурсами власти и разнице социальных статусов и в то же время (3) на взаимных обязательствах и заинтересованности¹.

Патронат, по всей видимости, вырастает из потестарных отношений (сторон) родства и свойства². Связь патрона и клиента

¹ См.: *Lemarchand R., Legg K. Political Clientelism and Development // Comparative Politics. Vol. 4. № 2 (1972). P. 151-152; Wolf E. Kinship, Friendship and Patron-Client Relations in Complex Societies // Social Anthropology of Complex Societies / Ed. by Michael Banton. L., 1966. P. 16-18.*

² «Собственные» племянники, сыновья, зятя мужчины – это родственники, которые в определенной мере были подчинены ему, оказывали поддержку в вооруженных конфликтах, отдавали часть охотничьей добычи и т. п. Чем больше было у мужчины близких родственников и свойственников – молодых мужчин, тем выше был его престиж и выгоднее его положение в той возрастной группе, к которой он принадлежал» (*Артемова О. Ю. Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 49).*

всегда копировала связь семейную: патрон – «отец», клиент – «сын».

Последние служат для повышения статуса индивида и его семьи в родовой, корпоративной, государственной иерархиях; эти же связи используются для смягчения давления институциональной системы, для обеспечения известной свободы от обязательных правил и предписаний. В странах Центральной Азии современные институты и процедуры являлись и являются не чем иным, как институционализированными патрон-клиентными отношениями.

Патрон-клиентные связи крепнут, когда официальные социально-политические институты слабы и не обеспечивают людям защиты от нарастающего, по выражению М. Н. Афанасьева, «отчуждения»¹ и давления социальных механизмов.

Неформальные союзы становятся институционализированной формой управления, частично или полностью замещая институты публичной власти. Социальная мобильность вне рамок патрон-клиентных отношений становится просто невозможной.

Господство клана – семьи в организации социально-политической структуры центрально-азиатских обществ объясняется процессами ретрадиционализации и реархаизации общественной жизни, которые развернулись в государствах Центральной Азии после обретения ими независимости. Произошел неизбежный откат к традиционным формам социально-политической жизни как среди элиты страны, и так групп населения, находящихся внизу социальной лестницы, который был также ответом на насильственный характер центрально-азиатской модернизации. Кроме того, тысячелетиями выступавшие в качестве основы общества родоплеменные отношения не могли сойти со сцены даже в течение жизни двух-трех поколений. Внедрение современных институтов не столько уничтожило традиционные структуры, но заставило их на время мимикрировать. Экономический кризис, разразившийся в республиках после распада Советского союза, постоянное снижение

¹Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 1997. С. 65.

уровня жизни народа, борьба за выживание способствуют сплочению людей на кровнородственной и клановой основе, что приводит к формированию клиентарных связей.

В Узбекистане, как и других государствах Центральной Азии, коренное население представляет собой сложный конгломерат, состоящий из субэтнотосов и племен, имеющих немалые культурные, социальные и психологические особенности. Однако трайболизм присутствует в политической жизни страны не явно.

В Узбекистане кланы в большей степени формируются по региональному, но не кровному принципу. Задача кланов – иметь своих представителей в экономически и политически важных государственных институтах и органах власти, способных обеспечить продвижение по социальной лестнице своих земляков и усилить позиции самого клана, распространяя влияние представляемого ими клана и укрепляя его финансовую мощь. Вместе с тем, помимо кланово-родственной принадлежности, высокую роль играет личная преданность своему патрону и главе государства в частности.

Необходимо отметить, что при образовании Узбекской ССР в 1924 г. в население республики было включено множество различных друг от друга этнических групп, члены большинства которых раньше не считали себя узбеками. Ферганская долина в пределах Узбекистана поделена на три области: Андижанскую, Наманганскую и Ферганскую. На протяжении советского периода власть в республике принадлежала представителям трех региональных группировок: Фергана, Самарканд и Ташкент. Периодически замещая друг друга, их представители контролировали основные республиканские органы власти, формируя из состава своих земляков и клиентов свое окружение, политическую элиту республики.

Кланы играли значимую роль и в советский период истории Узбекистана. Ярким примером служит карьера главы Компартии УзССР Шарафа Рашидова (1959-1983 гг.), уроженца Самаркандской области, который способствовал продвижению членов своей семьи и родственников на высшие должности в органах

государственной власти на республиканском и региональном уровнях.

Партийная карьера Рашидова началась в 1944 г., когда он был назначен секретарем Самаркандского обкома партии. В 1950 по 1959. Рашидов занимал должность Председателя Президиума Верховного совета УзССР, в 1959 г. был назначен Первым Секретарем ЦК КП УзССР. Отметим, что его предшественники на этой должности принадлежали к Ташкентскому (С. Камалов, 1957-1959 гг.; Н. Мухитдинов, 1955-1956 гг.; А. Икрамов, 1925-1937 гг.) и Ферганскому (А. Ниязов, 1950-1955 гг.; Г. Юсупов, 1937-1950 гг.) кланам¹. В 1959-1965 гг. были проведены обширные кадровые чистки на всех уровнях, в ходе которых должности отдавались представителям самаркандского клана².

Основу рашидовского клана составляли его близкие родственники³. Ш. Рашидов укреплял влияние своей семьи, в том числе путем брачных союзов, позволявших ему эффективно контролировать территорию Каракалпакстана⁴. Родственные узы между семьями Рашидова и Муминова укрепили внутренние связи между элитами Самарканда и Бухары⁵. Помимо род-

¹ Demian Vaisman. Regionalism and Clan Loyalty in the Political Life of Uzbekistan. In: Muslim Eurasia: Conflicting Legacies. Edited by Yaacov Ro'y. Frank Cass. London. 1995. P. 122.

² Рашидов и рашидовщина. Сборник статей. Пермь, 1992. С. 19.

³ Родной брат Рашидова, Сахиб Рашидов, в 1960-х гг. был главой Народного контроля. Происходившие из одного городка с Рашидовым его родственники Сарвар Азимов и Нурмухаммади Худайбердыев занимали должности вице-председателя узбекского Совета министров и секретаря ЦК партии, а позднее Председателя Совета министров (1971-1984) соответственно.

⁴ Его единственный сын был женат на дочери Первого секретаря Каракалпакского обкома, Калибека Камалова, занимавшего эту должность 21 год. Камалов был членом ЦК Узбекистана и был оправлен в отставку только в 1984 г., год спустя после смерти Рашидова.

⁵ Родственные узы между семьями Рашидова и Муминова укрепили внутренние связи между элитами Самарканда и Бухары. Самым известным из клана Муминовых был Ибрагим Муминов (1908-1974). Муминов родился в Самаркандской области. Карьера его началась в Самарканде, в вузах которого он преподавал историю и философию. По-видимому, именно тогда он познакомился с Ш. Рашидовым, который был студентом Самаркандского государст-

ственников, должности распределялись между остальными представителями клана. Чтобы усилить клановые позиции в 1973 г. была сформирована Джизакская область со столицей в родном городе Рашидова¹. Жена Рашидова Хурсанда играла немалую роль в политике, оказывая прямое влияние на принимаемые Рашидовым кадровые решения. Ее родственники являлись кадровым ресурсом для Рашидова. При этом клановость как решающий элемент при принятии кадрового решения никогда не предавалась огласке.

Интересы ферганской элиты также принимались во внимание. Большинство номенклатурных лидеров оставалось на своих местах вплоть до смерти Рашидова в 1983 г.

Хуже было положение представителей Ташкентской элиты, которые были кооптированы во власть, но на вторых ролях. По мнению современников, Рашидов полагал, что уроженцы Ташкента потеряли уважение к традиционным ценностям. За четверть века ни один из них не стал Председателем ни Президиума ВС, ни Совета министров. Представители других регионов оказались в еще более тяжелом положении.

Смерть Ш. Рашидова в 1983 г. стала ударом по Самаркандскому клану. Новым Первым секретарем стал представитель Ферганской политической элиты И. Усмонходжаев. Председателем Президиума Верховного Совета УзССР и Председателем Совета министров были назначены уроженцы Ташкента. После назначения в январе 1988 г. Первым секретарем ЦК КП УзССР². Р. Нишанова представители Самарканда были смещены со сво-

венного университета. Позднее одна из дочерей Рашидова вышла замуж за сына Муминова, который в кратчайшие сроки стал первым вице-президентом Института ядерной физики при узбекской Академии наук (*Ризаев С. Шараф Рашидов: штрихи к портрету // Ташкент: Nzuvkhi – Nur, 1992. С. 50*). Другая дочь стала женой племянника Муминова. Сам И. Муминов на протяжении 20 лет возглавлял узбекскую Академию наук, отвечая за идеологическую работу, неоднократно избирался членом узбекского ЦК партии и депутатом Верховного Совета республики.

¹ Правда востока. 1974. 1 янв.

² Правда востока. 1988. 12 янв.

их должностей по всей республике; административное деление, введенное при Рашидове, изменено.

Процесс реабилитации Рашидова начался с приходом к власти И. Каримова в 1989 г., выходца из Самарканда. Во-первых, это позволило сохранить видимость временной преемственности в руководстве страны. Во-вторых, И. Каримов, избранный президентом в 1991 г., нуждался в поддержке региональных элит, прежде всего политической элиты его родного региона Самарканда и Бухары. В-третьих, это укрепило собственный клан Каримова.

За годы, прошедшие с момента провозглашения независимости, в Узбекистане произошла институционализация кланов. В условиях кризиса люди возвращаются к традиционным формам защиты своих интересов, что находит свое отражение в принципах ректурирования политических элит.

Хотя построенный президентом Узбекистана Исламом Каримовым режим можно условно назвать деспотическим, это стало бы упрощенным определением действительности. Несмотря на громадное политическое и экономическое влияние семьи президента, он вынужден балансировать между несколькими ведущими клановыми группировками. Ислам Каримов не имеет практики ввода новых лиц в правительство, он в течение многих лет использует одних и тех же персон, т. е. проверенных чиновников. Зачастую смена крупных чиновников есть не что иное, как перестановка сил кланов. Таким образом, идет постоянная борьба между кланами, чтобы получить доступ к важным источникам ресурсов и политического влияния. Каримов учитывает личную выгоду, однако вынужден считаться с интересами региональных группировок, которые приобрели реальную силу; в каждой государственной структуре находятся их представители, способные организовать значительные как по своим масштабам, так и по своим последствиям народные волнения (акты неповиновения, погромы, забастовки). Примером могут служить выступления бизнесменов и их сторонников в Джизаке, Андижане, Фергане и других городах в 2003-2005 гг.

Вместе с тем, встраиваясь в государственные и иные структуры, кланы де-факто содействуют укреплению авторитарного режима власти. В свою очередь, названная власть отдает на откуп кланам регионы и отрасли.

На сегодняшний день в политической жизни страны существует несколько региональных элитных клиентелистских сетей, в числе которых: «Фан» (элита Ферганской долины)¹, «Суркаш» (влиятельны круги Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областей на юге Узбекистана), Самарканд (иногда включая и Бухарскую область), Ташкент и Хорезм и Каракалпакстан. Ведущими являются Самаркандский, Ташкентский и Ферганский региональные кланы.

Помимо региональных кланов, значительным собственным влиянием пользуются «силовики» – МВД и СНБ (Служба национальной безопасности), преданные президенту Узбекистана группировки (армия в 50 тыс. человек не имеет реальных рычагов влияния и силы)².

«Самаркандцы» делятся на две основные группировки по этническому признаку: таджики-«джурабековцы»³ и узбеки, значительная часть которых состоит из представителей клана бывшего лидера Узбекской ССР Шарафа Рашидова. С 1989 г. в руководстве Узбекистан превалировал именно самаркандско-бухарский клан, к которому принадлежит Ислам Каримов⁴.

Ферганский клан также не един и дробится на три основных группировки – наманганскую, андижанскую и, собственно, ферганскую. Андижанцы и особенно наманганцы считаются наибо-

¹ Название «Фан» происходит от сокращения названий областей Ферганской долины: Ферганской, Андижанской и Наманганской.

² Б. Мусаев – Несколько критических замечаний в связи с вопросом о кланах Узбекистана // <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1044879000>.

³ По имени своего лидера Исмоила Джурабекова. До конца 90-х гг. Джурабеков был одой из самых влиятельных фигур в стране, он курировал почти все сферы экономики: начиная от сельского хозяйства и экспорта хлопка, кончая финансовыми вопросами и валютными операциями. Однако через несколько лет Каримов сумел обезвредить Джурабекова, даже заочно осудил его. Затем началась чистка госаппарата от ставленников Джизакского клана.

⁴ Родным городом И. Каримова является Самарканд.

лее исламизированными и традиционными, ферганцы – несколько более европеизированными.

Ташкентский клан занимал наиболее прочные позиции в начале 1990 гг., в дальнейшем был оттеснен от власти И. Каримовым.

Наличие субэтнической напряженности в правящих кругах очевидно, но после неудачной попытки летом 1992 г. сместить И. Каримова с поста президента, предпринятой 75 депутатами парламента во главе Шукрулло Мирсаидовым, представителем ташкентской элиты, и поддержанной оппозицией – движением «Бирлик» и партией «Эрк», ни один другой клан не решается оспаривать лидирующие позиции самаркандского клана.

Стравливать друг с другом представителей различных кланов – один из основных методов президента Узбекистана в его борьбе за сохранение власти. Аналогичную политику «разделяй и властвуй» проводил его предшественник М. Рашидов.

На данный момент в Узбекистане во власти в основном представлены два клана: выходцев из столицы – Ташкента и из Самарканда. Ферганский и кашкадарьинский кланы довольствуются положением региональных лидеров.

Опираясь на силу кланов в укреплении своей власти, И. Каримов стремится не допустить, чтобы региональная напряженность привела к дестабилизации, для чего правительство ввело практику частых кадровых перестановок в руководствах городов и регионов, стремясь уничтожить «порочное наследие» местничества¹.

Как и в соседних с Узбекистаном государствах, семья президента контролирует наиболее доходные отрасли рынка, постоянно расширяя сферу своих интересов.

Трудно переоценить влияние дочери президента Гульнары Каримой, в сферу экономических интересов которой входят нефтегазовый комплекс Узбекистана, текстильная, золотодобывающая и иные отрасли промышленности и торговли. Она явля-

¹ Каримов И. Узбекистан на пороге 21 века. Ташкент: Изд-во «Узбекистон», 1997. С. 87.

ется единственным ребенком в семье и одним из возможных преемников И. Каримова после его ухода.

Сосредоточение в семье президента громадных экономических ресурсов и стремление к монополизации власти вызывает недовольство как у исключенных из политического процесса элитных групп, так и бедствующего населения и делает возможным использование правящей семейной элитой любых средств для достижения своих экономических и политических целей. Отсутствие эффективно действующих легальных каналов для институционализации политической элиты и представительства интересов населения провоцирует противников режима И. Каримова при поддержке населения прибегнуть к силовому способу смены правящего режима. Усиливающиеся репрессии по отношению к инакомыслящим со стороны режима имеют обратный эффект и только укрепляют решимость его противников. «Полюс» для действий может стать кончина И. Каримова. Репрессии привели к концентрации власти в руках Каримова, и отсутствие институционального независимого механизма передачи власти становится причиной изнурительной борьбы за нее между потенциальными претендентами на пост Каримова. В этих условиях любая передача власти будет сопровождаться конфликтом, носящим, скорее всего, силовой характер¹. Вместе с тем оппозиционные группы также имеют религиозную либо клановую окраску, бросая вызов традиционным региональным клановым элитам, но, тем самым, заново воспроизводя традиционную структуру патрон-клиентных отношений. И клиента, и элиты всячески пролонгируют существование клиентарных отношений, в том числе, не только исходя из рациональных оснований, но и на интуитивном уровне, поскольку не уверены в своей способности жить в иных формах социальной организации.

¹ Мнение эксперта: в Узбекистане наступило затишье перед бурей // <http://www.eurasianet.org>.